

Том первый

ГЛАВА I

Ворот гостиницы губернского город NN въехал довольно красивая рессорная небольшая бричка, в которой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, словом, все те, которых называют господинами средней руки. В бричке сидел господин, не красивый, но и не дурной наружности, ни слишком толстый, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако же и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русских мужика, стоявшие у дверей кабинета против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем.

— Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если бы случилось, в Москву, или не доедет?

— Доедет, — отвечал другой.

— А в Казань-то, я думаю, не доедет?

— В Казань не доедет, — отвечал другой. Этим разговор и кончился. Далеко еще, когда бричка подъехал к гостинице, встретился молодой человек в белых каблуках, в узких и коротких, во французском пошенинском моде, из-под которого виден был мундштук, застегнутый тульской булавкой с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукой концы, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен третирым слугою, или половым, к которому зывают в русских третирях, живым и вертлявым до той степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Он выбежал проворно с салфеткой в руке, весь длинный и в длинном демикотонном¹ сюртуке со спинкою чуть не сзади, встряхнул волосы и повёл проворно господина вверх по всей деревянной галдерее² позывать ниспосланный ему богом покой. Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывали гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тремя, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда ставленной комодом, где устроен сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знанием о всех подробностях проезжающего. Неружный фисд гостиницы отвечал её внутренности: он был очень длинный, в два этажа; нижний не был выщек туренистый в темнокрасных кирпичиках, ещё более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самими по себе; верхний был выкрашен вечною жёлтою краскою; внизу были лампы с хомутами, верёвками и бранками. В угольной из этих ламп, или, лучше, в окне, помещался сбитенщик с серебром из красной меди и лицом таким же красным, как с серебром, так что издали можно было подумать, что на окне стояло два серебром, если бы один серебром не был с чёрною, как смоль, бороною.

Покорный приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистинный, позывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли кучер

---

¹ Демикотон — плотная хлопчатобумажная ткань (прим. ред.).

² Галдарея — галерея (искаж.) (прим. ред.).

Селиф н, низенький человек в тулупчике, и л кей Петрушк , м лый лет тридц ти, в просторном подерж нном сюртуке, к к видно с б рского плеч , м лый немного суровый н взгляд, с очень крупными губ ми и носом. Вслед з чемод ном внесён был небольшой л рчик кр снога дерев с штучными выкл дк ми из к рельской берёзы, с пожные колодки и з вёрнут я в синюю бум гу ж ре н я куриц . Когд всё это было внесено, кучер Селиф н отпр вился н конюшню возиться около лош дей, л кей Петрушк ст л устр ив ться в м ленькой передней, очень тёмной конурке, куд уже успел прит щить свою шинель и вместе с нею к кой-то свой собственный з п х, который был сообщён и принесённому вслед з тем мешку с р зным л кейским ту летом. В этой конурке он прил дил к стене узенькую трёхногую кров ть, н крыв

её небольшим подобием тюфяк , убитым и плоским, к к блин, и, может быть, т к же з м слившимся, к к блин, который уд лось ему вытребов ть у хозяин гостиницы.

Пок мест слуги упр влялись и возились, господин отпр вился в общую з лу. К кие быв ют эти общие з лы — всякий проезж ющий зн ет очень хорошо: те же стены, выкр шенные м сляной кр ской, потемневшие вверху от трубочного дым и з лоснённые снизу спин ми р зных проезж ющих, ещ ё более туземными купеческими, ибо купцы по торговым дням приходили сюд с м-шест и с м-сём испив ть свою известную п ру ч ю; тот же з - копчённый потолок; т же копчён я люстр со множеством висящих стёклышек, которые прыг ли и звенели всякий р з, когд половой бег л по истёртым клеёнк м, пом хив я бойко подносом, н котором сидел т к я же бездн ч йных ч шек, к к птиц н морском берегу; те же к ртины во всю стену, пис нные м сляными кр ск ми; словом, всё то же, что и везде; только и р зницы, что н одной к ртине изобр жен был нимф с т кими огромными грудями, к ких чит тель, верно, никогд не видыв л. Подобн я игр природы, впрочем, случ ется н р зных исторических к ртин х, неизвестно в к кое время, откуда и кем привезённых к н м в Россию, иной р з д же н шими вельмож ми, любителями искусств, н купившими их в Ит лии по совету вёзших их курьеров. Господин скинул с себя к ртуз и р змот л с шеи шерстяную, р дужных цветов косынку, к кую жен тым приготовляет своими рук ми супруг , сн бж я приличными н ст влениями, к к з кутыв ться, холостым — н верное не могу ск з ть, кто дел ет, бог их зн ет: я никогд не носил т ких косынок. Р змот вши косынку, господин велел под ть себе обед. Пок мест ему под в лись р зные обычные в тр ктир х блюда , к к-то: щи с слоёным пирожком, н рочно сберег емым для проезж ющих в течение нескольких недель, мозги с горошком, сосиски с к пустой, пулярк ж рен я, огурец солёный и вечный слоёный сл дкий

пирожок, всегда готовый к услугам; покамест ему всё это подвально, и прожаренное, и просто холодное, он заставил слугу, или пологового, спросить всякий вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, много ли даёт доход, и большой ли подлец их хозяин; и что пологовой, по обыкновению, ответил: «О, большой, судья, мошенник!» Как в просвещённой Европе, так и в просвещённой России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушаться в трактире, чтоб не поговорить с слугою, иногда даже забавно пошутить над ним. Впрочем, приезжий делал не все пустые вопросы; он с чрезвычайною точностью спросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, — словом, не пропустил ни одного значительного чиновника; но ещё с большею точностью, если даже не случится, спросил обо всех значительных помещиках, сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живёт от города, как кого да же хитер и как честоприезжает в город; спросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-либо лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так и с такою точностью, которая поклялся более, чем одно простое любопытство. В приёмных своих господин имел что-то солидное и высмркнулся чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. Это, по-видимому, совершенно невинное достоинство приобрело, однако же, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосы, выпрямившись почтительнее и, ниспущив с вышины

свою голову, спросив: не нужно ли чего? После обед господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских театрах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отнести себя в свой номер, где, прилежши, заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумаги, по просьбе театрального слуги, чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию. На бумаге половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складкам следующее: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим добностям». Когда половой всё ещё собирал по складкам записку, с ним Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворён, ибо он шёл, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно бил в глаза жёлтая краска на каменных домах и скромно темнели стены деревянных. Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и бесконечных деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения и род и живости. Попадались почти смытые дождём вывески с кренделями и с погони, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью к кому-то Аршавского портного; где мезонин с карнизом, фургончик и надпись: «Иностранец Василий Фёдоров»; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в каютах одеваются у него те трёх гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными из рук и косыми ногами, только что сделанными в воздухе прыжком¹. Под всем этим было написано: «И вот заведение». Кое-где просто

---

¹ Антраша́ — затейливый прыжок в танцах (прим. ред.).

н улице стояли столы с орех ми, мылом и пряник ми, похожими н мыло; где х рчевня с н рисов нною толстою рыбою и воткнутою в неё вилкою. Ч ще же всего з метно было потемневших двугл вых госуд рственных орлов, которые тепер ь уже з менены л конической н дписью: «Питейный дом». Мостов я везде был плохов т . Он з глянул и в городской с д, который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорк ми внизу в виде треугольников, очень кр сиво выкр шенных зелёною м сляною кр скою. Впрочем, хотя эти деревц были не выше тростник , о них было ск з но в г зет х при опис нии иллюмин ции, что «город н ш укр сился, бл год ря попечению гр жд нского пр вителя, с дом, состоящим из тенистых, широковетвистых дерев, д ющих прохл ду в знойный день», и что при этом «было очень умилительно глядеть, к к сердц гр жд н трепет ли в избытке бл год рности и струили потоки слёз в зн к призн тельности к господину гр дон ч льнику». Р сспросивши подробно будочник ¹, куд можно пройти ближе, если пон добится к собору, к присутственным мест м, к губер нтору, он отпр вился взглянуть н реку, протек вшую посредине город , дорогою оторв л прибитую к столбу фишу, с тем чтобы, пришедши домой, прочит ть её хорошенько, посмотрел прист льно н проходившую по деревянному троту ру д му недурной н ружности, з которой следов л м льчик в военной ливрее, с узелком в руке, и, ещё р з окинувши всё гл з ми, к к бы с тем, чтобы хорошо припомнить положение мест , отпр вился домой прямо в свой номер, поддержив емый слек н лестнице тр ктирным слугою. Н куш вшись ч ю, он уселся перед столом, велел под ть себе свечу, вынул из к рм н фишу, поднёс её к свече и ст л чит ть, прищуря немного пр вый гл з. Впрочем, з меч тельного немного

---

¹ Бúдочник — полицейский, стоявший на посту у караульной будки (прим. ред.).

было в фишке: д в л сь др м г. Коцебу, в которой Ролл и гр л г. Поплёвин, Кору — девиц Зяблов, прочие лиц были и того менее з меч тельны; одн ко же он прочёл их всех, добр лся до цены п ртер и узн л, что фиш был н печ т н в типогр фии губернского пр вления, потом переворотил н другую сторону — узн ть, нет ли и т м чего-нибудь, но, не н шедши ничего, протёр гл з, свернул опрятно и положил в свой л рчик, куд имел обыкновение скл дыв ть всё, что ни поп д лось. День, к жется, был з ключён порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей¹ и крепким сном во всю н сосную з вёртку, к к выр ж ются в иных мест х обширного русского гострств .

Весь следующий день посвящён был визит м; приезжий отпр вился дел ть визиты всем городским с новник м. Был с почтением у губерн тор , который, к к ок з лось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел н шее Анну², и погов рив ли д же, что был предст влен к звезде, впрочем, был большой добряк и д же с м вышив л иногд по тюлю. Потом отпр вился к вице-губерн тору, потом был у прокурор , у председ теля п л ты, у полицеймейстер ³, у откупщик ⁴, у н ч льник к н д к зёнными ф брик ми... ж ль, что несколько трудно упомнить всех сильных мир сего; но довольно ск з ть, что приезжий ок з л необыкновенную деятельность н -счёт визитов: он явился д же з свидетельствов ть почтение инспектору вр чебной упр вы и городскому рхитектору. И потом ещё долго сидел в бричке, придумыв я,

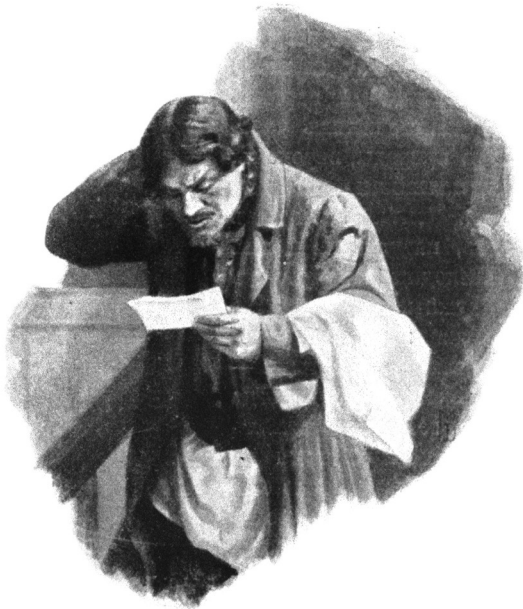
---

¹ К и с л ы е щ и — род шипучего кваса (*прим. ред.*).

² Т. е. носил на мундире у воротника орден Святой Анны второй степени (в виде креста). «...Был представлен к звезде» — к ордену Святой Анны первой степени; его носили на груди на муаровой ленте (*прим. ред.*).

³ П о л и ц е й м ё й с т е р — начальник городской полиции (*прим. ред.*).

⁴ О т к у п щ и к — предприниматель, приобретший за деньги исключительное право пользоваться какими-нибудь государственными доходами, например, право торговать водкой (*прим. ред.*).

кому бы ещё отдал визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников. В разговор с этими властителями он очень искусно умел польстить каждому. Губернатору не мекнул к кому-то вскользь, что в его губернию въезжать к кому-то, дороги везде бархатные, и что те привилегии, которые известны мудрых сновников, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказал что-то очень лестное насчёт городских будочников; в разговор с вице-губернатором и председателем палаты, которые были ещё только статские советники, сказал же ошибочную вещь «ваше превосходительство»¹, что очень им понравилось. Следствием этого было то, что губернатор сделал ему приглашение поужинать к нему того же дня и домашнюю вечеринку, прочие чиновники тоже, с своей стороны, кто на обед, кто на бостончик², кто на чай.

---

¹ «Ваше превосходительство» — в Российской империи обращение к чиновникам 3-го и 4-го классов, то есть тайным и действительным статским советникам; к чиновникам 5-го класса (статским советникам) обращались «ваше высокоородие» (прим. ред.).

² Бостон — карточная игра (прим. ред.).

О себе приезжий, как к злось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностию, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначительный червь мира сего и недостойн того, чтобы много о нём заботились, что испытал много на веку своём, претерпел на службе завывду, имел много неприятелей, покусавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать на конец место для жительства и что, прибывши в этот город, почёл за неперемный долг за свидетельствовать своё почтение первым его чиновником. Вот всё, что узнали в городе об этом новом лице, которое очень скоро не преминуло покинуть себя на губернаторской вечеринке. Приготовление к этой вечеринке заняло с лишком двенадцать времени, и здесь в приезжем оказалась только внимательность к туалету, к которой же не везде видывали. После небольшого послеобеденного сна он приказал подуть умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, подперши их изнутри языком; потом, взявши с плеч трактирного слуги полотенце, вытер им со всех сторон полное своё лицо, и через изышек и фыркнув прежде раздвинул своё лицо трактирного слуги. Потом надел перед зеркалом на шею, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно затем очутился во френке брусничного цвета с искрой. Таким образом одевшись, покинул он в собственном экипаже по бесконечно широкому улицам, озарённым тощим освещением из кое-где мелькавших окон. Впрочем, губернаторский дом был так освещён, хоть бы и для балета; коляски с фонарями, перед подъездом дважидорож, форейторские крики вдали — словом, всё как нужно. Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и домашних плитев был страшный. Всё было залито светом. Чёрные френки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рефлексе в пору жаркого

июльского лет , когд ст р я ключниц рубит и делит его н сверк ющие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собр вшись вокруг, следя любопытно з движени ем жёстких рук её, подым ющих молот, воздушные эск - дроны мух, поднятые лёгким воздухом, влет ют смело, к к полные хозяев , и, пользуясь подслепов тостью ст - рухи и солнцем, беспокоящим гл з её, обсып ют л ко - мые куски, где вр збитную, где густыми куч ми. Н сы - щенные бог тым летом, и без того н всяком ш гу р с - ст вляющим л комые блюд , они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только пок з ть себя, пройтись вз д и вперёд по с х рной куче, потерять одн о другую з дние или передние ножки, или почес ть ими у себя под крылышк ми, или, протянувши обе передние л пки, по - тереть ими у себя н д головою, повернуться и опять уле - теть, и опять прилететь с новыми докучными эск дрон ми.

Не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором, который предствил его тут же губернаторше. Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый. Когда устновившиеся присутствующих притиснули всех к стене, он, ложившись руки на бедра, глядел на них минуты две очень внимательно. Многие дамы были хорошо одеты и по моде, другие оделись во что бог послал в губернский город. Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увидевшись около дам; некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских: имели такую же весьма обдуманно и со вкусом изобретенные бороды или просто блговидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, такую же небрежно подседали к дам, такую же говорили по-французски и смешивали дам так же, как и в Петербурге. Другой род мужчин состояли толстые или такие же, как Чичиков, то есть не такие чтобы слишком толстые, однако и не тонкие. Эти, напротив того, косились и пятились от дам и посматривали только по сторонам, не приставляя где губернаторский слугзелёного стола для вист¹. Лица у них были полные и круглые, а иных да же были бородавки, кое-кто был и рябоват; волосы на голове не носили ни хохлами, ни буклями², ни намер «чёрт меня побери», как говорят французы; волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны, черты лиц больше из круглённые и крепкие. Это были почётные чиновники в городе. Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно

---

¹ Вист — карточная игра (прим. ред.).

² Бульки — завитки волос, локоны (прим. ред.).

и совсем ненадёжно. Толстые же никогда не злятся на них в косвенных местах, всё прямые, и уж если сядут где, то сядут надёжно и крепко, так что скорее место затрещит и угнётся под ними, уж они не слетят. Им блестящего блеска они не любят; им них франк не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкафу тулехи блещут божия. У тоненького в три года не остаётся ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь — и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодьями. Им конец, толстый, послуживши Богу и государю, послуживши всеобщее уважение, оставяет службу, перебирается и делается помещиком, счастливым русским барином, хлебосолом, и живёт, и хорошо живёт. А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских

всё отцовское добро. Нельзя угадать, что почти тот же род притворства с ним ли Чичиков в то время, когда он притворился лжеобщество, и следствием этого было то, что он наконец присоединился к толстым, где встретил почти все знаемые лица: прокурор с весьма чёрными густыми бровями и несколько подмигивавшим левым глазом, так как будто бы говорил: «Пойдём, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу», — человек, впрочем, серьёзного и молчаливого; почтмейстер, низенького человек, но остряк и философ; председатель плетель, весьма ссудительного и любезного человек, которые все приветствовали его как старинного знакомого, но что Чичиков притворился, несколько вбок, впрочем, не без приятности. Тут же познакомился он с весьма обходительным и учтивым помещиком Мниловым и несколько неуклюжим взглядом Собкевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши: «Прошу прощения». Тут же ему всунули картуш, которую он принял с таким же вежливым поклоном. Они сели за зелёный стол и не вставали уже до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда на конец предоступают дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот жечас вынул на лице своём мыслящую физиономию, покрыл нижнюю

губу верхнюю и сохранил то же положение во всё время игры. Выходя с фигуры, он ударил по столу крепко рукою, приговаривая, если был дам: «Пошла, старья пошла!», если же король: «Пошёл, тёмновский мужик!» А председатель приговаривал: «А я его поусм! А я её поусм!» Иногда при ударе карты по столу вырывались вырвения: «А! Был не был, не с чего, так с бубён!», или же просто восклицания: «Черви! червоточин! пикенция!», или

